

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

№ 23 (4472)

29 января 1940 г., понедельник

ЦЕНА 10 КОП.

Могучий талант

К 80-летию со дня рождения А. П. Чехова

Живые искорки чеховского таланта с каждым днем сверкали все более ярко. Их заметил Лесков. На них откликнулся престарелый Григорович, письмо которого потрясло молодого Чехова и вселило в него веру в свои писательские силы. Может быть оно и послужило той каплей, которая переполнила чашу терпения молодого Чехова и заставила его искать путей в будущее отнюдь не на страницах юмористических журналов.

Но и эти годы не прошли бесследно. Внук крепостного, в жилах которого, по собственному признанию, текла мужицкая кровь, человек, «с детства уверовавший в прогресс», Чехов очень рано столкнулся с жизнью, прямо и бесстрашно взглянув в неприглядное лицо дореволюционной российской действительности.

Вот почему и такие ранние его рассказы, как «Хамелеон», «Смерть чиновника» или «Толстый и тонкий», уже полны обличительного смысла и посвящены одной теме — незаслуженному унижению человеческого достоинства. Эта тема, развившись и став поистине многоголосой, впоследствии явилась основным началом всего его протестующего творчества.

Чехов всегда стремился сказать правду о «казенной стране России». Острым и проницательным взглядом он проникал в гнихий омут обывательской жизни, оскорбительно-мирно текущей и в столице, и в медвежьих углах деревни. Этим же стремлением и была продиктована поездка Чехова на Сахалин, оставившая глубокий след во всей его творческой биографии.

Сахалин являлся в то время местом ссылки на каторжные работы для десятков тысяч уголовных, носивших грубые

арестантские халаты с бубновым тузом на спине. И когда известный в то время издатель Суворин пытался указать Чехову на ненужность и бесполезность этой поездки, Чехов возражал с необыкновенной силой. «Сахалин, — писал он, — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный... Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы».

Эти строки звучат обвинительным актом, направленным против царской России, против тех, в чьем подчинении находятся все эти тысячи «красноносых надзирателей».

Итогом всех перенесенных во время длительной поездки физических и духовных испытаний явилась книга «Сахалин». Эта книга, несмотря на страшную свою правдивость, нисколько не растрогала царские власти. Зато она произвела огромное впечатление на передовую общественность. Сам Чехов писал: «Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей жесткий арестантский халат. Пусть висит!»

Дело было не только в «литературном гардеробе» Чехова. Поездка на Сахалин укрепила в нем глубокое и едкое чувство огромной неудовлетворенности существующим социальным строем и укладом жизни. Это чувство, усиленное доводами разума и огромным талантом художника, с каждым днем находило все более яркое отражение в его творчестве.

Мучительно и страстно искал Чехов выход из положения. Увлекался толстовством, чтобы, пустя некоторое время, и в нем разочароваться. Не находя прямых путей в революционный лагерь, он может быть

не совсем ясно и представлял себе эти пути. Тем не менее Чехов в каждом произведении говорил своим читателям, своему народу слова, которые он вложил в уста одного из своих героев: «Нет, больше жить так невозможно!»

Очень точно определил все положительное и передовое значение творчества Чехова А. М. Горький. «Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, — писал Горький, — трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обывальщины».

...Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадежной тоской на лице и в груди, красивым искренним голосом сказал:

— Скверно вы живете, господа!»

Этот напоенный горечью и болью возглас являлся как бы лейтмотивом всего творчества Чехова. В свое время критика пыталась обвинить его в пессимизме. И Чехов, отвергая такое обвинение, отвечал на него словами Астрова из пьесы «Дядя Ваня»: «Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души».

Чувством презрения и ненависти к «уездной жизни» и к обывателям, примирившимся со всеми прелестями этой жизни, наполнены все произведения Чехова. Здесь — корни той бесспорно прогрессивной роли, которую они сыграли в эпоху реакции, возбуждая ненависть к строю угнетателей и вызывая сочувствие к угнетенным.

Об огромной и притом необычайной силе воздействия Чехова сказал Ленин после прочтения рассказа «Палата № 6»: «Когда я дочитал... этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

Представить провинциальную царскую Россию в виде «больничной палаты» с ее

убийственным тюремным режимом, с ее подвластностью надзирателю Никите, который готов любой спор разрешить своими зловещими кулачками — в этом ведь Чехов и видел назначение своего рассказа. И, как подчеркнуто в словах Ленина, сделать это Чехову удалось блестяще.

Но Чехов был не только тонким и умным художником, непримиримо относившимся ко всякому проявлению мещанской пошлости в жизни. Он был и очень чутким художником, остро улавливающим все новые социальные веяния, все, пусть еще отдаленные, но все же неотвратимые сдвиги в массах. Вот почему в момент нового подъема революционной волны, накануне приближения событий 1905 года, Чехов, не принимая непосредственного участия в подготовке этих событий, все же откликнулся на них в своем творчестве. В период 90-х и особенно начала 900-х годов с новой силой забила критическая струя в произведениях Чехова. В них прозвучали слова, говорившие о том, что Чехов, как художник, не только ощущает приближение революционной бури, но и встречает ее с удовлетворением.

Это и было вложено Чеховым в уста его героев. Так в «Трех сестрах» Тузенбах утверждает: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку». В рассказе «Невеста», написанном на пороге последнего года жизни, героиня восклицает: «О, если-бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет».

Именно к этому периоду может быть отнесен также и демонстративный отказ Чехова от звания академика в знак протеста против того, что этого звания лишили А. М. Горького. Наконец, весьма показательными являются в этом смысле воспоминания писателя Елпатьевского, близко знавшего Чехова. Елпатьевский, повидав Чехова в последний год его жизни, так рассказывал об этой встрече: «Для меня ясно и

несомненно было одно, что Антон Павлович ждал новой, светлой и счастливой жизни... скоро и даже очень скоро, что он звал это будущее и был уверен, что вот завтра — послезавтра случится нечто, что сразу прогонит печаль и скуку русской жизни».

Чехову физически не суждено было дожить до наших дней, когда в пух и прах развеяна «былая печаль и скука русской жизни». Но Чехов — замечательный писатель, проникновенный художник — является нашим современником, жив и сейчас. В чем же заключается секрет его «творческого долголетия»? Ленин в статьях о Толстом говорит о наличии в творчестве этого гениального художника «критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов». Эти критические элементы в большой степени присутствуют также и в творчестве Чехова. Даже и в наши дни чеховские рассказы с непримиримой страстностью бичуют подхалимство, чиновничество и ту мещанскую плесень быта, которую порождают пережитки капитализма в сознании людей. Достаточно указать на широко известное упоминание товарищем Сталиным в его выступлении на XVI съезде партии чеховского «человека в футляре», незavidного учителя Беликова.

Но Чехов велик не только потому, что творчество его и в наши дни нередко звучит очень злободневно. Наряду с другими классиками русской литературы он не менее дорог нашему читателю как тончайший изобразитель движений и порывов человеческой души, как знаток характеров, запечатлевший в своем творчестве человеческие страсти с такой силой, которая не может не трогать и нас — людей иной эпохи.

«Все написанное мною забудется через 5—10 лет», — заметил Чехов в одном из своих писем. Слова эти свидетельствуют о скромности, присущей только очень большим художникам. Наш советский читатель сумел оценить не одну эту скромность, но и могучий талант Чехова по заслугам: он надолго включил его в число наиболее любимых и близких классиков русской литературы.

Б. РОЗАНОВ.